

Потапыч



**Охотник
и костра**

31
2054

Потапыч

891.71-93

н 64

Охотник

у костра

Камчатские рассказы

•

Рисунки и обложка
худ. Щеглова



Огиз
Молодая гвардия
1933

42596

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

1939. 2

Проверено 1947 г.

Проверено 1959 г.

Редактор К. Пискунов Техред. Л. Юрченко
Сдано в производство 17/IV—33 г. Подписано
к печати 3/VI—33. М. Г. 3646. Инд. Д-6.
Формат 72x94 $\frac{1}{2}$. 1 $\frac{1}{2}$ печ. л. Уполномоч. глав-
лента Б—30040. Тираж 50 000. Зак. тип. 2097

5-я тип. „Пролетарское слово“ треста „По-
лиграфкнига“, Москва, Каланч. тупик, 8/5.

НАУЧНО-БИБЛИОТЕЧНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
СОВЕТСКОГО
„НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

253240

Петрован и медведь



Как-то раз осенью несколько охотников из селения Шеромы на Камчатке отправились на охоту. Поехали они верхами и без собак.

Среди них был один из лучших охотников на Камчатке—Петрован.

Выехали охотники утром и ехали не спеша. До места охоты было около сорока километров. К заходу солнца охотники прибыли на место.

Поставив палатку и привязав лошадей, они все приготовили для ночлега и, пока было светло, решили осмотреть речку, возле которой остановились, поискать следов медведя.

Следов было очень много. Петрован недаром славился среди охотников. Выбранное им место всем понравилось.

Вернувшись к палатке, охотники поужинали, попили чаю и, когда стемнело, вышли караулить, или, как говорят на Камчатке, „сидеть“ медведя.

Пришли на речку, осмотрелись и заняли места.

Луны не было. Ночь была теплая и тихая, и только изредка набегал ветерок, но и он скоро стих.

Скоро слышались тяжелые шаги медведя. И в то же время снова подул ветерок и как раз со стороны охотников.

Медведь почуял запах человека и повернул обратно в лес.

Эта неудача не беспокоила охотников. Они перешли на другой берег речки и стали ожидать медведя с другой стороны.

Так сидели они час, другой. Медведя нет. Прождали еще часа два — нет никого.

Охотники устали, хотелось курить, но курить нельзя было, так как дымом могли отпугнуть медведей.



Охотники уже стали подниматься с места, как вдруг в стороне, где стояла палатка и паслись лошади, послышался рев медведя. Слышно бы-

ло также, что он что-то ломает. Лошади испуганно ржали, пытаясь сорваться с привязи.

Двое молодых охотников хотели броситься на шум, но Петрован их удержал.

— Это пакостник пришел, — сказал Петрован. — Только бы он не задавил чьей-нибудь лошади и не разогнал остальных. Давайте медленно подходить к лошадям, на ходу стреляя из ружей.

На Камчатке очень много бурых медведей. Но эти медведи совсем особенные: тихие, смирные, человека боятся и на скот не нападают, питаются они ягодами и рыбой.

Но иногда, правда очень редко, попадаются медведи, которые и на скот нападают и человека не боятся.

Такие медведи называются на Камчатке пакостниками.

Пакостником медведь делается от разных причин. Бывает весной, выйдя из берлоги после зимней спячки, он не может найти себе пищи и бродит голодный. Если ему удастся в это время поймать зайца или куропатку, или еще какое-нибудь животное и он попробует горячей крови, он делается злым и кровожадным.

Вот Петрован и говорит товарищам, когда они направились к тому месту, где буйствовал пакостник:

— Ребята, держитесь все вместе, а то медведь обязательно поймает кого-нибудь.

Тесной кучей, медленно подвигаясь и стреляя на ходу, охотники подходили к палатке и лошадям. После первых выстрелов лошади успокоились, а медведя не стало слышно.

Не переставая стрелять, охотники приблизились к ночлегу. Палатки не было видно. Медведь сорвал ее с кольев и разорвал, а вещи, которые были в палатке, разбросал во все стороны.

Быстро разожгли костер, чтобы медведь не подкрался в темноте. Палатку кое-как зашили и снова поставили на место и собрали вещи. К счастью, все было цело — медведь успел поломать одну только кастрюлю.

И раньше случалось на охоте, что медведь рвал палатку и ломал вещи, так что этому никто не удивился.

Приведя все в порядок, охотники решили попить чаю и лечь спать.

До утра по очереди сторожили и поддерживали огонь в костре. Но лошади были спокойны, следовательно медведь был далеко.

Утром Петрован с одним охотником пошел посмотреть, куда ушел медведь. Следы долго путали по лесу, но потом вывели к речке, где охотники вчера караулили зверя.

Здесь медведь немного полежал, а потом перешел на другой берег, где и укрылся в густых зарослях кедрового кустарника. От палатки до кедровника было не меньше пяти километров.

Убедившись, что медведь ушел в кедровник и там, видимо, лег спать, Петрован с товарищем повернул обратно. Но каково было их удивление, когда они, подойдя к речке, снова увидели свежие медвежьи следы.





Петрована это поразило. Получилось впечатление, что медведь наблюдал за ними и шел по их следам. Осторожно подвигаясь и осматривая каждый куст, они подошли к палатке. Там все было спокойно.

Рассказав остальным охотникам о виденном, Петрован сказал, что отсюда непременно нужно уехать, так как может случиться несчастье.

Все с этим согласились. Вещи были уложены, лошадей оседлали и поехали искать

другого места для охоты, которое, по словам Петрована, было недалеко.

Ехали осторожно, так как опять ожидали встречи с медведем-пакостником. Но все было благополучно, лошади были спокойны, и, повидимому, медведь остался на старом месте.

Километров через пятнадцать началась местность, где было много небольших речек, богатых рыбой.

Посоветовавшись, решили осмотреть все речки, поискать следов медведей и поэтому разделились по одному и разъехались в разные стороны.

Встретиться уговорились часа через два на берегу большой реки Андриановки, около охотничьей избушки-юрты, которую все знали.

Оставшись один, Петрован повернул назад, чтобы осмотреть речку, которую только что проехали.

С ружьем в руках, подвигаясь шагом, Петрован выехал на большую поляну. Вдруг его лошадь шарахнулась в сторону, и он чуть было не свалился с нее.

И в то же самое время из кустов выскочил медведь большого роста. Медведь появился в нескольких шагах от Петрована, и тот не успел соскочить с лошади и приготовиться стрелять, так медведь был уже почти рядом.

Лошадь помчалась вскачь, медведь за ней, не отставая. Доскакав до конца поляны, Петрован повернул кругом.

Ехать в лес он не мог, так как медведь среди деревьев и кустарников быстро бы догнал лошадь. Петрован, может быть, успел бы спастись на дереве, но лошадь погибла бы наверняка.

Петровану было жаль своей единственной лошади, и он мчался кругом по поляне. Медведь за ним.

Несколько раз медведь догонял лошадь. Он уже поднимался на задние лапы, чтобы схватить ее. Но умное животное взмахивало хвостом и било им медведя по морде.

Медведь только успевал поймать хвост и выдернуть несколько волосинок и падал опять на четвереньки; лошадь же уходила вперед на несколько шагов.

Этот маневр удавался лошади несколько раз и спасал ей жизнь, хотя от хвоста не осталось и половины.

Но Петрован понимал, что лошадь устанет скорее медведя и тогда — конец! Ему и лошади было жалко, и придумать он ничего не мог.

Заряженное ружье он держал в руках наготове, но стрелять нельзя было, — для этого надо было остановить лошадь. Медведь же совсем рассвирепел и с еще большим ожесточением преследовал охотника.

Лошадь тяжело дышала и несколько раз споткнулась. Медведь снова догнал ее и уже собирался схватить, когда Петрован бросил ему свою шапку.

Медведь стал шапку рвать и задержался, но не надолго. Тогда Петрован снял с себя шарф и тоже бросил его медведю. Опять небольшая задержка.





Петрован снимает с себя крепкую демисовую куртку на оленьем меху и бросает ее прямо на голову медведю.

Медведь от ярости завыл и со злостью стал раздирать куртку. Но она была крепкая, и медведь долго с ней возился, пока не разорвал ее на мелкие клочки. За это время Петрован успел перебраться на другой конец поляны.

Здесь он оглянулся и увидел, что медведь шагах в пятидесяти. Но лошадь так сильно устала, что стала шататься. От тяжелого дыхания бока у ней раздувались, как пузыри.

Петрован еще не успел обдумать, что делать дальше, как медведь опять стал приближаться к нему. Тогда, сидя на лошади, Петрован выстрелил в медведя, но от волнения и усталости промахнулся. А ведь он был лучшим стрелком на Камчатке!

Медведь все ближе и ближе. Лошадь рванулась с новыми силами, и опять началась бешеная скачка.

Бывалый и опытный охотник, Петрован растерялся и не знал, как выкрутиться из беды. Нечаянно он обнаружил, что во время скачки потерял сумку с патронами.

Стрелять часто, чтобы слышали товарищи, Петрован уже не мог. В ружье осталось всего четыре патрона, а медведь не отставал.

Задерживать медведя нечем, — все вещи были выброшены. Оставалась палатка, которая лежала на седле под ним.

С большим трудом Петрован вытащил из-под себя палатку и бросил ее под ноги медведю. Не сделай он этого, медведь схватил бы лошадь непременно.

Палатка остановила медведя.

Когда Петрован услышал, что топот медведя прекратился, он обернулся: медведь лежал на палатке и что-то делал, но что — Петрован разобрать не мог.



Отъехав к другому концу поляны, Петрован остановился и слез с лошади. Он твердо решил встретиться с медведем один на один и убить его.

Привязав лошадь к березе, он выбрал удобное место и стал ожидать своего врага. Облокотившись о дерево и положив ружье на сук, он был уверен, что теперь не промахнется.

Медведь продолжал лежать на палатке. Это сильно удивило Петрована, и он не понимал, в чем дело.

Видя, что медведь лежит, Петрован немного успокоился. Когда он огляделся, то с удивлением заметил, что скоро уже будет вечер.

Петрован сильно устал, устала и его лошадь. Она стояла вся в пене и не могла отдышаться.

Тут только Петрован вспомнил о своих товарищах. Они конечно беспокоятся, что его так долго нет в условленном месте.

Петрован посмотрел на медведя, тот продолжал спокойно лежать.

Прицелился, выстрелил. Знал, что не промахнулся. Медведь лежит и не шелохнется.

В это время раздались недалеко ответные выстрелы. Это стреляли товарищи Петрована, и он снова выстрелил, чтобы указать, где он находится.



Когда товарищи Петрована съехались к охотничьей избушке, они были удивлены отсутствием Петрована. По их расчетам он должен был вернуться первым, так как у него была самая хорошая лошадь.

Прождав некоторое время, охотники стали беспокоиться и решили ехать его разыскивать.

Проблуждав по лесу больше часа, они вдруг услышали в стороне выстрел и, ответив на него выстрелами, поспешили к Петровану.

Когда охотники выехали на поляну, они увидели посреди поляны медведя, лежащего ничком на палатке.

С другого конца поляны, навстречу товарищам, шел Петрован с ружьем в руках. Охотники соскочили с лошадей и, взяв ружья в руки, медленно стали подходить к медведю.

Медведь лежал неподвижно, вытянувшись во весь свой огромный рост. Подойдя совсем близко к медведю, они увидели, что он мертв.

Медведь был очень большого роста, но худой. Сразу было видно, что медведь питался не рыбой, от которой он быстро жиреет, а мясом. Это был действительно медведь-пакостник.

Палатка была сильно залита кровью, но раны на медведе видно не было. Только изо рта все еще сочилась кровь.

Когда сняли шкуру и распороли живот, догадались, что медведь умер от разрыва сердца.



Василек и Христя

В начале зимы в одном из глухих углов Камчатки старый охотник Палий поймал двух соболей — самца и самку.

Сначала Палий поместил их в обыкновенной железной клетке, но спустя несколько дней решил выпустить их просто в избу. В клетке соболи отказались принимать пищу.

Самца он назвал „Василек“ за его васильковые глаза, что является крайней редкостью у соболей, а самку — „Христя“, по имени своей умершей старшей дочери.

Палий жил со своей старой женой вдвоем. Дети уже выросли и ушли из родного дома. Оба были очень рады зверькам и посвящали им много времени.

Соседи уверяли Палия, что соболи не будут жить в неволе. Они или сбегут в тайгу, которая начиналась тут же, под окнами, или сдохнут от тоски по воле и от голода, „так как, мол, в неволе соболи ничего не едят“.

Но прошли день, два, неделя, и соболи свыклись с жизнью в избе Палия. Они совершенно не делали попытки проскользнуть в дверь и убежать на улицу. Все, что для них Палий и его жена приготовляли, они поедали, но ели только ночью. Ночью же они затевали игры.

Сперва соболи ели только сырое мясо, и обязательно свежее. Потом стали понемногу есть и вареное мясо, и овощи, и другую пищу, причем им очень нравилась гречневая каша с молоком. Молоко они любили пить всегда, но после молока им надо было непременно дать еще и воды.

И днем и ночью они прятались от людей за сундуками, под кроватями и по другим укромным уголкам. Лишь из-

редка неожиданно показывали они свои лукавые мордочки, и то на мгновение.

Когда же начинали топить русскую печь — а это делалось обычно под вечер, — Василек и Христя не могли удержаться, чтобы не выскочить из своего потаенного уголка и, привстав на задних лапках, не взглянуть на таинственный свет, дающий вечером так много тепла: ведь ночью и вечером им светила в тайге только луна, такая холдная и далекая.

И не только смотреть на пламя любили они. Любили они также теплую печь. Часто можно было застать их на печи, развалившихся в ленивой позе и что-то тихо мурлыкающих.

В конце концов на печи они обосновались совсем, и только за пищей, для игр и за другими надобностями они спускались на пол.

Належавшись же вволю, они в отсутствии стариков ураганом носились по избе, делая невероятные прыжки и разбрасывая вещи по комнате. Наблюдать эту картину через окно со двора было необычайно интересно.

Спустя два месяца Василек и Христя привыкли к Палию и его жене Орине. Василек стал отзываться на свое имя очень быстро. Христя еще некоторое время дичилась своих хозяев, но наконец сдалась и она.

Теперь соболи шныряли по комнате, играли, как маленькие котята, но посторонних людей боялись и всегда прятались от них. Ко всем же новым предметам, появлявшимся в избе, они проявляли чрезмерное любопытство.

Как-то раз из амбара Палий принес сетку для ловли соболей и повесил ее на гвоздь. Не успел он выйти из комнаты, как



Василек прыгнул на сетку, запутался в ней и вместе с сеткой полетел на пол.

Христя сперва сильно испугалась, но потом бросилась на помощь к своему товарищу и пыталась своими зубами перегрызть сетку. Все это она проделывала с ожесточением и нетерпением, а в результате запуталась и сама.

Палий хохотал во всю глотку, наблюдая их беспомощность и бессильную злобу. Он вспомнил, как когда-то они так же попались в эту самую сетку и так же злились.

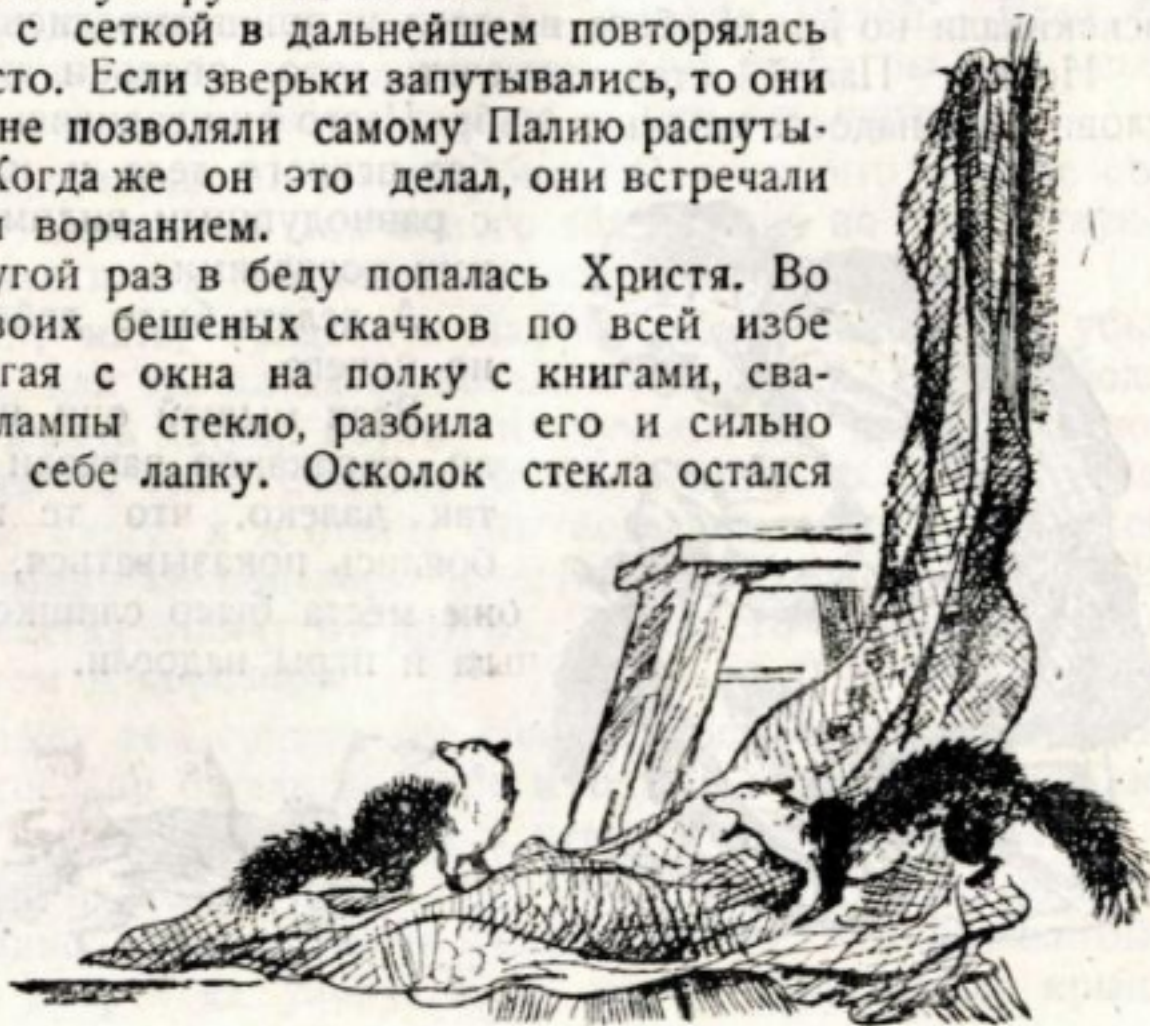
Хохот хозяина подействовал на зверьков. Они притихли и как бы пригорюнились.

В это время в избу вошла жена Палия и, увидя запутавшихся соболей, с криком: „Несчастные мои детки!“ быстро распутала их.

До этого случая соболи лучше шли на голос хозяина и как будто бы больше любили его. Но теперь они не только не выбегали на его голос, но даже отказывались есть пищу, приготовленную руками Палия.

Игра с сеткой в дальнейшем повторялась очень часто. Если зверьки запутывались, то они никогда не позволяли самому Палию распутывать их. Когда же он это делал, они встречали его злым ворчанием.

В другой раз в беду попала Христя. Во время своих бешеных скачков по всей избе она, прыгая с окна на полку с книгами, свалила с лампы стекло, разбила его и сильно поранила себе лапку. Осколок стекла остался в лапке.



Это случилось, когда хозяев не было дома, и бедный зверек сильно страдал. Кровь не переставала сочиться из лапки.

Орина, вернувшись домой, увидела кровавые следы и на полу и на столе. Христя в это время сидела на печи и пыталась вытащить зубами стекло. Василёк сидел рядом, и казалось, что он тоже хотел ей помочь.

Орина вынула стекло, промыла ранку, перевязала лапку, и Христя немного успокоилась. Потом Орина поставила на печь Христе вареного мяса, молока и воды, чтобы она не прыгала на пол.

Христя хорошо поняла, что Орина облегчила ей страдания, и по-своему была ей благодарна. Когда Орина входила в избу, она выскакивала ей навстречу, как-то особо била себя по бокам хвостом и сейчас же, как бы застыдившись, пряталась под кровать.

Раньше ни Василек, ни Христя никогда так не встречали своих хозяев.

К концу зимы соболи настолько привыкли ко всему, что вскакивали во время обеда на стол и принюхивались к пище.

Но вот Палий стал замечать, что зверьки приуныли, словно им надоела жизнь в избе. Часто они садились на печку без всякого дела и наблюдали с равнодушным видом за своими хозяевами.

А делать было действительно нечего.

Всех мышей они переловили, тараканов загнали в щели так далеко, что те и ночью боялись показываться, для игр же места было слишком мало, да и игры надоели.



Видимо, зверькам вспоминалось приволье тайги, бесконечные гряды сопок и неумолчный говор никогда не замерзающих рек.

Или, быть может, на них начинала действовать приближающаяся весна и будить в них неясное представление о распускающихся деревьях, молодой травке, о свежем ветре и ярком солнце...

Василек и Христя совсем присмирели. Прежних игр уже не было, и они оживлялись только во время поимки случайно забежавшей из сеней мыши.

Иногда у соболей был такой вид, будто они собираются плакать.

Первой обратила внимание на это состояние соболей жена Палия.

— Знаешь что, — сказала она как-то мужу, — соболей надо выпустить в лес. Видно, они уж очень сильно тоскуют по воле.

— Ну да, тоже выдумашь! — ответил Палий. — Если бы они действительно хотели на волю, они давно бы уже ушли. Сколько раз дверь была открыта, а они все сидят.

— Не думаешь ли ты их убить? Мех их, что ли, тебе понравился? Смотри, я тебя самого так стукну по твоей глупой башке, что навек забудешь, как соболей бьют.

— Нет, мать, — вздохнул Палий. — Их я никогда не убью. Вспомни, как мы когда-то хотели иметь детей. Вот и соболям хочется иметь детей, потому и скучают. Да видно в неволе не видать им этого счастья. Погоди немножко. Станет теплей, кончатся пурги, я и отвезу их подальше в лес, чтобы они мне случайно не попались. Христю я в лесу не узнаю, а Василька всегда отличу от других. Глаза его разве забудешь?

На том и порешили.

А между тем соболи все сильнее проявляли беспокойство. Они бесцельно бегали по избе и теперь порознь, не так, как раньше всегда вместе, и все к чему-то прислушивались.

Через несколько дней, это было уже в конце февраля, неожиданно налетела такая сильная пурга, что нельзя было открыть дверей на улицу. Снег намело под самую крышу.

К вечеру затопили русскую печь и наложили дров больше обыкновенного. Дрова сильно разгорелись. Старики вышли в сени по хозяйству.

Соболи сидели на столе и смотрели на ярко игравшее в печи пламя.

Вдруг в комнате раздался какой-то резкий крик, и вслед за этим Василек бросился в сени и прямо под ноги жене Палия.

Та сразу не поняла, в чем дело, но Василек так жалобно взвизгивал, что она вместе с мужем стремительно бросилась в избу.

Тут Василек стал метаться от стола к печке и как бы звал своих хозяев куда-то.

Христи не было видно. Позвали ее — не показывается. Зажгли лампу — Христи нет.

Внезапно почувствовали запах горячей шерсти, и, когда Орина бросилась к печке, она увидела на углях почти сгоревшую Христию.

Это так подействовало на жену Палия, что она, дико вскрикнув, упала на пол и так заплакала, будто потеряла самого дорогого человека.

Сам Палий был не менее опечален такой трагической смертью своей любимицы. Он стоял, опустивши голову и руки, весь согнувшись, и, часто моргая, смотрел в огонь, где догорали последние остатки жизнерадостного зверька...

Очнулись старики только от тихого визга Василька, который забрался на зеркало и жалобно выглядывал оттуда.

Что же побудило Христию броситься в огонь?

Этот вопрос остался для стариков навсегда неразгаданным. Ведь и раньше много раз она сидела на столе и так же смотрела на огонь в печке.

Что-то произошло с ней, а что — разве узнаешь?

После смерти Христи старики перенесли всю свою любовь и заботы на Василька, и он как бы немного повеселел.

Но по ночам часто можно было слышать как бы придушенный визг и слабое жалобное мяуканье осиротевшего Василька.

Пурга продолжалась еще четыре дня.

На третий день после смерти Христи Василек ночью нашел разбитое и заткнутое тряпкой стекло в окне, вытолкнул тряпку и вышел на волю.



Когда под утро Палий и его жена проснулись от холода и увидели, что Василек ушел, они были и опечалены и обрадованы.

Они так любили Василька и так к нему прирастились, что разлука с ним была для них тягостна. Они чувствовали себя сиротами.

В то же время они хорошо понимали, что только на воле, в родной тайге, Василек забудет свою подругу и перестанет тосковать.

Они считали, что Василек больше не вернется, что он для них навсегда потерян. И Палий снова заложил дырку в стекле тряпкой и поплотней.



А между тем, когда стихла пурга, Василек подошел к двери Палия и, не испугавшись собак, которые, почуяв его, подняли лай, вскочил на окно и пытался проникнуть в избу.

Но тряпка крепко держалась, и бедный зверек, поцарапавшись о раму, принужден был вернуться в лес.

Это все Палий понял, когда утром увидел на снегу и окне следы Василька...

И все же он не поверил, чтобы дикий зверек хотел вернуться с воли к человеку. Поэтому дырку в стекле он забил доской и решил, что больше ему встречаться с Васильком уже не придется.

Но еще не раз пока не стаял совсем снег, Василек подходил к своему старому дому и бродил кругом. И иногда жене Палия слышался его жалобный визг.

Когда же она выходила на улицу и звала его, как мать зовет любимого сына, ей отзывалась только тайга своим вечным шорохом...



Верхом на мишке



Лет семьдесят тому назад Камчатка была совсем дикой страной. Жителей было мало, зверя же дикого было очень много, особенно медведей.

Часто можно было видеть, как медведи бродили вместе с коровами. Медведи подходили даже к деревне и забирались в сараи и амбары.

Людей они не трогали, но и не боялись. Случалось, что бабы хворостиной отгоняли их от повешенной для сушки рыбы.

Однажды в конце лета камчадал деревни Пушино Подкорытов Яков задумал вырубить березу для полозьев на нарту¹.

Он захватил с собой топор и чайник, взял немного юколы² и березового цвета, надел сетку от комаров, повесил нож на пояс и отправился в лес.

Отойдя довольно далеко от деревни, он нашел нужное ему дерево. Повалив березу и отрубив, сколько надо для полозьев, Яков пошел потихоньку домой.

Проходя мимо густого куста рябины, он вспомнил, что ему нужен материал и для дуг на нарту. Остановился и стал выбирать прутья получше.

Провозившись с рябиной, он устал, и так как нести березу было тяжело, решил отдохнуть на берегу ручья и вскипятить воду.

Сказано — сделано.

Яков разложил костер, повесил над огнем чайник и стал закусывать.

¹ Нарта — узкие сани для езды на собаках.

² Юкола — высушенная на солнце рыба.

Сидит на упавшем дереве, медленно ест юколу да подбрасывает в костер сухие веточки вместе с травой, чтобы было побольше дыма. А без дыма в лесу от комара нет спасенья.

Топор он воткнул в березу, под тенью которой сидел, отдыхая.

Скоро вода закипела, и Яков, бросив в чайник щепотку березового цвета, стал пить горячий напиток.

Чай в то время считался на Камчатке большой роскошью, и его пили только по праздникам. Обыкновенно же заваривали березовый цвет.

Пьет Яков и мечтает, как он сделает себе новую нарту, — старая совсем поломалась, — да будет на новой нарте ездить за соболем. Много набьет он соболей, столько, что всего накупит: и муки, и сахару, и чаю, и не придется больше заваривать березовый цвет да есть одну юколу без хлеба.

Размечтался Яков во-всю и не слышит, что кто-то сзади подходит.

Вдруг он почувствовал у себя на шее чье-то дыханье, и в следующее мгновение кружка вылетела у него из рук, а сам он слетел с бревна.



Это его толкнул подошедший медведь. В тот день комары были особенно назойливы, и мишка хотел избавиться от них дымом от костра.

Яков вскочил, оглянулся и увидел, что его толкнул медведь-третьяк¹.

Хотя Яков и привык к медведям и не боялся их, но от такого обращения сразу растерялся.

Яков был сильным, крепким мужиком, так что с молодым медведем мог померяться силой.

Но теперь, от неожиданности, вместо того чтобы схватить топор или палку, он ударил медведя кулаком по морде.

Медведь опешил и стоял, разинув пасть. Но это продолжалось недолго. Он бросился на Якова и ударил его в свою очередь лапой по ноге.

Удар был сильный. Медведь когтями порвал на Якове штаны и оцарапал ему ногу.

Яков вышел из ума и еще раз ударил мишку по морде. Тот в ответ сдачи дал, да еще с прибавкой.

А потом как закричит, как завизжит! Яков тоже стал кричать на мишку.

Так стоят они друг против друга, тузят друг друга и кричат во все горло, до хрипоты.

Вдруг мишка оскалил зубы и бросился на Якова. Тот отскочил в сторону и увернулся. Медведь снова на него. Яков опять отскочил. И снова и снова одно и то же.

Бегают они вокруг костра, будто в пятнашки играют. Все невдомек Якову схватить топор или палку или вытащить нож из-за пояса.

Некогда, надо успеть увертываться, чтобы медведь не укусил.

Но мишка уже понял все увертки Якова. И когда тот отскочил в сторону, медведь тоже подался вбок, а Якову и повернуться негде: сзади кусты оказались.

Уже совсем было медведь ухватил Якова зубами за ногу, но тот, не помня себя, вскочил мишке на спину и ухватил его за уши.

Спустя мгновение мишка помчался по лесу, не разбирая

¹ Медведь-третьяк — медведь по третьему году.

дороги. Мчит он сквозь кусты. Яков на спине у него сидит и крепко держится за уши. Малахай¹ потерял, ветки царапают лицо, а он ничего не замечает.

Болтаясь на спине, дернул Яков нечаянно и очень крепко медведя за правое ухо; тот заревел и повернул вправо, а сам мотает головой, хочет сбросить Якова со спины, но не может — крепко держится камчадал.

Медведь напуган, а Яков не меньше. Сидит на спине и сообразить не может, как выбраться оттуда. Сколько времени бегали по лесу, сколько времени Яков ездил верхом, он не помнил.

Неожиданно медведь выскочил на дорогу, которая вела из леса в деревню. Вскочил и побежал по дороге, только в обратную от деревни сторону.

Видит Яков, что медведь все дальше и дальше увозит его в лес, а соскочить никак не может, — уж очень быстро бежит медведь.

Тогда он стал дергать медведя то за правое, то за левое ухо. Но медведь, не обращая внимания, бежит и бежит вперед.

Яков сильнее потянул за правое ухо, и медведь свернул опять с дороги в лес.

„Ага,— подумал Яков,— ты, оказывается, понимаешь не



¹ Малахай — меховая шапка с длинными наушниками.



хуже лошади, куда тебя поворачивают*.

И начал он понемногу поворачивать мишку все вправо и вправо.

Спустя некоторое время они снова очутились на дороге и теперь помчались прямо в деревню.

Недалеко от первых домов мишка хотел опять повернуть в лес, но Яков сильно дернул его за ухо, и тот послушно побежал дальше.

Таким порядком среди бела дня Яков въехал верхом на медведе в деревню.

Дело было после обеда, кое-где копошились ребятишки.

Собаки первые почуяли зверя и бросились к нему с лаем, но сразу остановились, увидев, что на медведе сидит человек. Даже лаять перестали.

На лай собак стали выскакивать из домов и амбаров женщины и мужчины, стай со всех концов деревни неслись ребята.

Окруженный собаками, медведь остановился как раз против дома Якова и сел на задние лапы, высунув язык от усталости.

Собаки лают, ребятишки визжат, женщины кричат—суматоха полная. Мужчины побежали в амбары за топорами и ружьями, а Яков сидит верхом на медведе и не слезает, и говорить ничего не говорит. Медведь же совсем запыхался, язык чуть ли не по земле болтается.

Вдруг одна из собак вцепилась медведю в бок, и он повалился и растянулся. Свалился с него и Яков.

Остальные собаки бросились на мишку, но подоспевшие мужики быстро отогнали их. Якова подняли, а медведя связали.

Яков встал на ноги, посмотрел на окружающих, усмехнулся и ничего не сказал. Потом схватил конец веревки, которой был связан медведь, и потащил мишку к своему дому.

Сделав из крепкого ремня ошейник, Яков посадил медведя на цепь возле амбара и развязал его, а сам вошел в дом. Все это он делал молча.

Сколько родные и вся деревня ни пытались узнать от Якова, что с ним случилось в лесу, он в ответ только мычал да показывал на горло. У него отнялся язык, и он перестал говорить, стал словно немой.

Старики рассказывают, что заговорил Яков только через полгода, когда и узнали обо всем, что было с ним в лесу.

А медведь так и остался жить у Якова. Он стал совсем ручным и ходил со своим хозяином в лес по ягоды и грибы.

Все привыкли к нему, и он ко всем. Часто летом мишка один уходил в лес по ягоды или на реку рыбу ловить, и всегда сам возвращался домой.

С ребятами он подружился и любил с ними играть, позволяя делать с собой что угодно. Только за уши брать он никогда не позволял, а сердился и бил смельчака слегка лапой.

Поздней осенью мишка выкапывал себе под домом яму и спал в ней всю зиму, до весны.

Умер он через много лет, уже совсем старым медведем.



253240

ДЛЯ ДОСЛ. РАБОТЫ
В НАУЧНО-ИССЛЕД.
ЦЕНТРЕ РАЙОНА

Цена 40 коп.

